

Приготовленное и отданное Чан Дэфу возбуждающее средство было крайне секретным. Этот человек являлся управляющим во дворце наследного принца и хотел, чтобы средство действовало быстро, подобно легендарному коню Фэйхуану.[1] К тому же Чан Дэфу пришёл к лекарю от имени самого наследника престола.

Чжан Юньфэн за счёт умений своих предков попал в императорский дворец, где врачевал, однако его навыки были совсем невелики. Имея при себе всего лишь несколько секретных рецептов, с которыми была надежда получить повышение, лекарь воспользовался редким шансом, чтобы угодить наследному принцу, и, стиснув зубы, выполнил его приказ.

Однако...

Как эта тайна смогла долететь до ушей наложницы Шу?

Ради наследного принца было сделано то возбуждающее лекарство, и если это раскроется, то его ждёт смерть за подстрекательство и развращение наследника престола!

Может так случиться, что один стакан отравленного вина немедленно прервёт его жизнь!

Неожиданно испугавшись, Чжан Юньфэн почувствовал слабость во всём теле. Чуть ли не рухнув на землю, мужчина стоял на коленях и не осмеливался выпрямиться. Долгое время его дыхание было тяжёлым и частым. Лекарь находился в полной растерянности и беспрерывно кланялся, говоря:

— Государыня, примите во внимание, презренный слуга работал, строго соблюдая правила приличия. Лекарство нужно принимать в соответствии с предписаниями, а зачем Чан Дэфу какое-то лекарство, презренный слуга действительно не знает...

— Закрой рот, — холодно приказала наложница Шу, чем заставила несчастного сжаться от страха, и, смеясь, добавила: — Не имея неопровержимых доказательств, разве я могла бы тебя позвать? Если хочешь, чтобы не знали о твоих поступках, не совершай их. Ты умный человек, сейчас, стоя передо мной, сознайся и, может быть, ты кое-что ещё и заработаешь.

Чжан Юньфэн уже давно дрожал от страха. Услышав в голосе наложницы Шу мягкие нотки, словно та сжалась над ним, и к тому же вспомнив, что эта женщина является родной матерью наследного принца, лекарь решил всё же признаться. Да и идти против государыни Шу бесполезно. Мужчина спешно схватился за такую возможность и проговорил:

— Верно-верно, государыня имеет огромное влияние и великодушие, оказывая снисхождение. Простите меня, впредь презренный слуга будет старательно прислуживать госуд...

— Не нужно докучать болтовнёй, напиши рецепт.

— А?

— Бумага и кисть уже приготовлены для тебя. — И наложница Шу указала на стол, где всё было готово. — Напиши для меня секретный рецепт, что ваша семья передавала из поколения в поколение. Да так, чтобы я поняла.

Оказавшись в чужих руках, Чжан Юньфэн ничего не мог поделать, тем более перед матерью наследного принца.

Наложница Шу опустила взгляд и посмотрела на несчастного, затем медленно спросила:

— В вашем лекарском доме, кажется, существуют рецепты каких-то противоположных и тому подобных лекарств.

— Верно-верно, есть целебные снадобья и те лекарства, которые нельзя смешивать. Когда их пьешь по отдельности, они помогают, но если их соединить, то они могут и навреди...

— Довольно. У меня нет желания проверять твоё искусство врачевания.

— Слушаюсь.

Немного поразмыслив, наложница Шу обернулась и посмотрела на лицо Чжан Юньфэна, на её губах появилась необыкновенная улыбка:

— Придворный лекарь Чжан, ты довольно долго живёшь во дворце. Твоё служебное положение всё также очень низкое?

— У Вашего презренного слуги не хватает навыков...

— Чтобы быть чиновником, не обязательно иметь какие-то навыки, достаточно острого ума и всё. — Наложница Шу мельком бросила взгляд на мужчину. — Это возбуждающее средство передалось тебе от дедушки, а целебные лекарства ты не умеешь создавать. Ты дашь мне рецепт, и через несколько дней я защищу тебя, сделав главным лекарем во дворце.

Сердце Чжан Юньфэна подскочило в груди.

Мужчина уже интуитивно почувствовал, что за деньгами и почётом далеко ходить не надо.

Чжан Юньфэн глубоко вздохнул и, сильно понизив тон, проговорил:

— Презренный слуга не знает, какой рецепт хочет заполучить государыня.

— Кто-то уже откушал ваше семейное лекарство, я хочу, чтобы ты дал ему другое специальное лечебное предписание.

Чжан Юньфэн догадался, на что намекала женщина. В душе безумно занервничав, мужчина ещё тише произнёс, затаив дыхание:

— Этот... Презренный слуга глуп и просит государыню сказать точнее, какое лечебное предписание нужно написать. И от какой болезни?

Наложница Шу очень холодно, но в то же время привлекательно улыбнулась и, слегка окинув лекаря взглядом, сказала:

— Я в этом дворце провела почти двадцать лет и воспитала двух сынов императора. Но сейчас, когда я доверилась тебе, ты решил на моих глазах прикинуться дураком?

Чжан Юньфэн, увидев, что женщина резко с ним заговорила, не осмелился больше увिलивать и, кивнув головой, проговорил:

— Верно-верно, наследный принц молодой, неопытный, и его может совратить кто угодно. Государыня сильно любит наследного принца и, конечно же, она злится. Но и оставаться в стороне тоже не может. Поэтому хочет незаметно помочь наследному принцу прийти в чувства.

— Я не могу выяснить, кто посмел это сделать и какую смерть он предпочитает. — Алые губы, на которых сияла улыбка, приоткрылись: — Однако во дворце есть вечно больной человек, которому каждый раз необходимо лекарство, и об этом знают все придворные лекари. Совершенно очевидно, что в его рот не стоит отсылать любые лекарственные средства. Только твоё постыдное лекарство, которое невозможно определить по пульсу. Но даже если его и выявят, то никто не скажет, что специально причинял вред этому человеку, давая ему этот настой. Он сам на себя накликает беду, ведь даже если он умрёт, то кто узнает, что он тайно принимал какие-то развратные лекарства?

Чжан Юньфэн посмотрел на её ямочки на щеках, которые придавали ей очаровательный, подобно цветам, вид. От такой изящной и в то же время строгой красоты холодный пот побежал по позвоночнику. А сам мужчина шёпотом проговорил:

— Ваш презренный слуга может составить рецепт возбуждающего средства, которое может навредить телу того, кто его примет. Однако в комнате придворных лекарей очень строгий режим, у каждого есть свои служебные обязанности, и не каждому они могут выписать лекарство. Если как-то позволить ему принять лекарство, то в таком случае...

Выражение глаз наложницы Шу тотчас же заставило лекаря замолчать на полуслове и застыть в нерешительности.

— Не беспокойся, ты выпишешь рецепт, а остальное, разумеется, сделает кто-нибудь другой.

— Слушаюсь.

— Пиши.

Чжан Юньфэн поклонился и направился к столу, на котором уже лежали бумага и кисть.

Что и говорить, это наверняка какая-то наложница решила опоить наследного принца, чем рассердила государыню.

Видимо, эта женщина, которой понадобилось такое трудно выявляемое лекарство, да ещё отправила за ним Чан Дэфу, всё же не являлась обычной служанкой, а, возможно, была родом из знатной семьи.

Или в будущем она собиралась стать новой наложницей господина.

Думая об этом, лекарь дописал рецепт. Он совершал преступление, причиняя вред любящей женщине Юн Шаня. Мужчина считал, что жизненный путь всё же состоит из взлётов и падений. Взяв в руки смоченную в чернилах кисть и лист бумаги, мужчина долгое время пребывал в нерешительности, чувствуя, как сердце заходится в груди от беспокойства.

Тихо повернув голову и посмотрев на наложницу Шу, на лице которой почти расцвела радостная улыбка, мужчина чувствовал гнетущий и мучительный холод.

Увы, случившееся во дворце не должно было оказаться на палубе этого императорского корабля, на котором оставался лишь победитель, получавший всё, а покладистого простака ждал печальный финал.

Так или иначе, если сейчас не перебраться на пиратский корабль, то до вечера он не доживёт.

Подумав об этом, мужчина больше не колебался. Написав летящим почерком рецепт, лекарь взял бумагу двумя руками и протянул её наложнице Шу, говоря:

— Государыня, если обычный человек выпьет сделанное по этому рецепту лекарство, то ничего не произойдёт, так как у этого лекарства мизерный эффект. Однако в смеси сернистой ртути, цянхо [2] и растёртых в порошок каури-моллюсков, что надо принимать натошак, как раз и заключён секрет возбуждающего средства нашей семьи. Если больной недавно уже принимал моё лекарство, то при следующем приёме может тяжело заболеть. Его тело слегка исхудает и ослабнет, а сам человек, пережив зиму, вероятно, больше никогда не встретит весну.

Мужчина говорил с удивительной серьёзностью, однако наложница Шу лишь безразлично

посмотрела на него:

— Мне известно родительское сердце, ты не вредишь человеку, ты помогаешь ему. Наследный принц является основой государства, мы ревниво оберегаем его от любого вреда и, конечно же, не позволим, чтобы он подвергся наваждению и порочному соvrращению. Если это дело завершится успехом, то ты получишь огромное поощрение.

Свернув полученный рецепт, женщина спрятала его в рукав и прошептала:

— Запомни: об этом деле знают лишь Небо, я и ты. Сегодня не нужно приходить сюда и помогать мне с лекарством от простуды. Более того, не тревожь меня по пустякам.

Избавившись от матушкиного взора, Юн Линь, словно обезьяна, выпущенная на волю, выпрыгнул из паланкина и, бросив слуг, с захватывающим интересом отправился во дворец наследного принца.

Днём и ночью шёл снег, укрывая землю толстым снежным покрывалом. Юн Линь в крепких и богато украшенных меховых сапогах наступал на снег, который тотчас же начинал хрустеть под подошвой. Юноше нравилось слышать этот студёный голос зимы, и он с огромной радостью ступал по белому покрову.

В тот момент, когда Юн Линь преодолел половину пути, кто-то вышел из сада с декоративными каменными горками. Обладая превосходным зрением, Юн Линь тотчас же заметил этого человека и внезапно холодным голосом завопил:

— Стой! Ты чего задумал?

Того человека, облачённого в обычную одежду императорского охранника и прошмыгнувшего в ворота дворца, звали Ту Ньянь. Сильный снегопад застлал всё небо. Во дворце, где царил тишина, услышав холодный возглас Юн Линя, человек вздрогнул от испуга и обернулся.

Как только юноша увидел принца, паника на лице сразу же исчезла, а сам он вздохнул с облегчением и, растягивая губы в улыбке, спешно направился к Юн Линю, приветствуя его:

— О, мать честная, от крика Вашего Высочества можно и умереть с испуга. Ваш слуга думает, что, кроме Вашего Высочества, во дворце нет никого, кто мог бы обладать такой ужасающей мощью. Несколько дней назад ходили слухи, что Ваше Высочество вернулись из пожалованных ему земель. Ваш слуга честно хотел отправиться к Вашему Высочеству и поприветствовать Вас, однако, ха-ха, понимаете, у Вашего слуги слишком низкий чин, а государыня Шу охраннику у ворот строго-настрого...

— Довольно. — Юн Линь, слегка ударив слугу, позволил тому подняться на ноги и с улыбкой посмотрел на него: — Ту Ньянь, негодник, снова собираешься играть в азартные игры прямо во

дворце?

— Нет-нет-нет, как может Ваш слуга...

— Ох! — Юн Линь вытянул руку и, схватив юношу за ухо, с силой скрутил его: — Мне видна твоя вороватая натура! Я, Его Высочество Юн Линь, могу хоть за тысячу ли [3] ясно видеть. Что одна ли, что две ли мне видны так, будто я смотрю на огонь. Ты, негодный прихвостень, как только прошмыгнул во дворец, я сразу учуял идущий от тебя запах игральных костей. А ну, говори! Куда ты хотел отправиться с ними?

Этот юноша славился среди сынов императора и различной независимо от ранга знати своей открытостью и великодушием. Также Ту Ньань весьма искусно мог соблазнить любого знатного господина. Все охранники знали, что юноша совершенно ничего не боится и, увидев молчаливого, как цикада зимой, старшего брата Юн Шаня, мог сразу понять, кто перед ним.

Как только Юн Линь скрутил его ухо, лицо исказилось от боли, а сам юноша, выкрикнув пару раз: «Ай-ай», с горькой улыбкой стал просить пощады:

— Хорошо-хорошо, Ваше Высочество будто смотрит на огонь, Ваш слуга сознаётся, сознаётся! Ваше Высочество, у Вашего слуги ухо болит, Ваше Высочество, миленький, ослабьте пальцы, больно, ай!

Юн Линь только сейчас отпустил ухо и выжидающе поглядел на юношу.

— И скрывать от Вашего Высочества не смею, что играл в азартные игры. Ваш слуга сыграл лишь в одну небольшую партию. Так как на улице идёт снег, братья сменили друг друга на посту и не могут вернуться домой, и теперь всё бездельничают и бездельничают, да ещё во дворце распивать вино нельзя, вот вместе и греемся у печки. Во всяком случае, разве плохо немного поразвлечься?

— Нудно и много говоришь. — И Юн Линь вновь с улыбкой ударил юношу: — Неужели ты всё ещё боишься, что я донесу на тебя? В следующий раз я действительно это сделаю, и тогда ты на несколько сотен лет угодишь в императорскую тюрьму!

— Премного благодарен Вашему Высочеству за его заботу. Мы все говорим, что во дворце среди всех сынов императора Ваше Высочество считается преданным своим друзьям. Однако сегодня там не бросали кости, хе-хе, Ваше Высочество давно не собирался с нами и не знает, что правила изменились, и теперь все играют в пайцзю [4]...

Юн Линь сразу воодушевился и с энтузиазмом проговорил:

— В пайцзю и я превосходно играю, очень увлекательно. Скорее-скорее отведи меня туда, почему вы играете в такую занимательную игру и без меня?

Ту Ньань, одновременно смеясь и плача, проговорил:

— Ваше Высочество, для Вашего слуги это непросто. Не только государыня Шу, но и Его Высочество Наследный принц за последнее время неоднократно строго наказывали, запрещая звать Вас развлекаться вместе с нами. А если об этом станет известно, то Вашего слугу ждут огромные неприятности.

Юн Линь был любителем поиграть и мог пойти туда, где приказы матушки Шу и старшего брата над ним были не властны.

Он за всю жизнь наслушался великое множество нотаций. Стоило юноше набезобразничать, как его тотчас же начинали ругать на чём свет стоит. После всё, конечно, успокаивалось, однако наложница Шу, Юн Шань и даже отец-император, независимо от того, пакостил Юн Линь или нет, всё равно держали его под контролем.

— Да ну тебя! — Услышав, что Ту Ньань не соглашается, Юн Линь сдвинул брови к переносице и, скорчив злобную мину, вновь вытянул руку, схватил и потянул ухо кверху. — Не играй со мной, иначе ты можешь навлечь на себя огромные неприятности! Ты не возьмёшь меня с собой? Не возьмёшь? Тебе всё ещё уши нужны или нет?

Ту Ньань немедленно завопил о пощаде:

— Возьму-возьму-возьму-возьму!

Государыня Шу за всё время десятки раз строго-настрого запрещала Его Высочеству Юн Линю подобные вольности. Но никто и ничто не способны удержать Его Высочество.

По-видимому, сейчас, не считая смены нового наследного принца, прочие события были обыденными, в особенности для принца Юн Линя, который был всё таким же шумным, как и раньше.

Ту Ньань тоже не являлся каким-то важным чиновником, для которого эти мелочи были совершенно безобидны. Поначалу он отказывался признаваться, и на все вопросы юноши у него находилось одно жалкое и поверхностное оправдание.

Только когда Юн Линь схватил его за ухо, юноша немедленно попросил пощады и во всём сознался. После чего вместе с радостным Юн Линем он отправился в дальнюю маленькую крытую комнату, где отдыхала сменная охрана.

Когда они вошли, в комнатке уже была небольшая толпа. Придворные-бездельники и охрана теснились возле печки и радовались. Там были и те, с кем Юн Линь уже играл однажды.

Мягкий характером, юноша никогда не пользовался положением принца, чтобы обидеть кого-

нибудь, наоборот, он проявлял себя как отзывчивый и щедрый человек. Слуги любили его и часто заводили с ним дружбу. Увидев, что Ту Ньянь привёл с собой Юн Линя, никто и не думал возражать, все очень обрадовались и шутливо заговорили:

— Здорово! Здорово! Сейчас здесь стало действительно оживлённо! А то без Вашего Высочества играть не так интересно.

Хлопая и поглаживая себя по этому поводу, Юн Линь насмешливо проговорил:

— Сборище мелких болванов, которым нравлюсь не я, а мои безделушки, и всё! Скажите, что сегодня Вам, Вашему Высочеству Юн Линю, улыбнётся удача, и я наверняка выиграю все ваши деньги, оставив вас в слезах и с голым задом!

В тот же момент кто-то захлопал в ладоши и, смеясь, добавил:

— Ваше Высочество достаточно смел! Ту Ньянь, тебе больше не нужно быть ведущим в игре, позволь Его Высочеству побыть им! — И вся толпа в один голос поддержала говорящего.

Ту Ньянь отдал Юн Линю пайцзю, что до этого были у него. Юн Линь же отбросил все правила приличия и, не церемонясь, произнёс:

— Ведущий, так ведущий. Увидите, что мой лев открыл рот, можете считать себя съеденными!
— Взяв пайцзю, юноша подошёл к столу, высыпал на него костяшки и, задрав рукава, закричал: — Идите же сюда! За игральным столом нет высших и низших, все равны. Поэтому не нужно с раболепством смотреть на меня. Сначала достаньте всё серебро, что у вас есть, и положите на стол, чтобы всем было видно, если нет серебра, то сгодится любая ценная побрякушка!

Запустив руки к себе за пазуху, Юн Линь первым же делом вытащил маленькую яшмовую подвеску и серебряные монеты:

— Немного мастерства, и вы сразу же выиграете!

Остолбенело вытаращив глаза, толпа с переполненным энтузиазма сердцем наперебой стала опустошать свои карманы.

И, действительно, в компании с Юн Линем стало необычайно оживлённо. Сборище игроков приступило к игре: раздавались и сотрясали воздух крики, звук фишек, когда их тасовали, громкие возгласы, стук и, когда фишки нагромождались, маты, и гневные выкрики, способные пронзить Небеса.

Являясь ведущим в игре, Юн Линь проявил свою необычайную мощь.

Сегодня действительно был удачный день. Какие бы косточки пайцзю не выпадали, все были хорошими, и неважно, сколько выпадало: десять, семь или восемь — все они были выигрышными, что не могло не радовать Юн Линя.

Чем больше игра разгоралась, подобно пламени, направленному в небо, тем меньше люди делали свои ставки.

— Делай ставку! Почему не делаешь ставку?

Юн Линь был охвачен энтузиазмом. Но, когда настал вечер, юноша заметил, что атмосфера немного поугасла и, опустив голову, увидел перед собой гору мелких серебряных монет и всяких разных безделушек, что служили залогом.

У охраны совершенно не осталось денег, так как всё они просадили на игру.

— Забирайте! — Юн Линь умело отодвинул от себя выигрыш. — Чья какая вещица, всё забирайте, и давайте сыграем ещё раз!

— Ваше Высочество, Вы не обманываете?

Юн Линь посмотрел на человека:

— Что за чушь ты несёшь? Когда это мои слова были ложью? Дураки, быстрее забирайте своё добро, ведь как играть без денег? Это убивает интерес! Так что пошевеливайтесь!

Толпа пришла в восторг и, как пчелиный рой, стала прямо из-под носа у Юн Линя утаскивать свои вещи. Все знали характер принца, да и сами охранники были самодисциплинированы и забирали только свои вещи, а то, что принадлежало кому-то, обходили стороной.

Юн Линь вновь зашумел:

— В пайцзю мы уже сыграли, да и кости тоже не должны лежать напрасно. А может тогда сыграем в кости?

— Можно! Можно!

— Если Ваше Высочество сказал, во что хочет сыграть, значит, мы сыграем!

Охрана столпилась, словно звёзды вокруг луны, и, спешно достав самые лучшие кости, принесла Юн Линю.

Столкнувшись с таким открытым сыном императора, как Юн Линь, все в душе радовались, и вторая партия началась с ещё большим энтузиазмом.

Юн Линь по-прежнему являлся ведущим игроком. Он кричал изо всех сил, и не важно, выигрывал он или нет, окружающие его охранники всё равно неоднократно награждали принца поощрительными возгласами, поддерживая его.

Игра вновь затянулась, и юношу невольно потянуло выйти, чтобы справить нужду.

Схватив стоящего неподалёку Ту Ньяня, Юн Линь проговорил:

— Помоги мне, подмени меня, я ненадолго отлучусь, но потом вернусь.

Ту Ньянь, поняв, что Юн Линь хочет выйти помочиться, спросил:

— Хотите ли, чтобы Ваш слуга показал дорогу?

— Да ну тебя! — Юн Линь вытянул руку и щёлкнул юношу по лбу. — Я что, в первый раз появляюсь в этой вашей собачьей конуре? Хочешь проводить? Лучше подмени меня в игре: выиграешь — всё отдам тебе, проиграешь — считай, выигрыш мой.

— Благодарю, Ваше Высочество!

Ту Ньянь тоже был крайне азартным человеком, от возбуждения его лицо залило румянцем, а от слов Юн Линя юноша с радостью заложил выигравший предыдущий кон и, предвкушая победу, которая позволила ему занять место Юн Линя, бодро закричал:

— А ну-ка! Пора бросать кости! Смотрите во все глаза! Сейчас повезёт!

Примечание:

[1] Фэйхуан — чудесный конь с рогами на спине, живущий 1000 лет; "Фэйхуан доскакал", что означает: сделать стремительную карьеру; быстро пойти в гору; получить важную должность, преуспеть.

[2] Цянхо — китайское название нотоптеригиума надрезного, многолетнего травянистого растения из семейства сельдерейных.

[3] Мера длины, равная 0,5 км.

[4] Китайское домино в 32 кости. «Пайцзю» — от названия двух старших костей 天 (тянь) и 九 (цзю).

<http://bllate.org/book/13372/1189588>